

*Посвящается
тому самому мужчине*

С сухим щелчком он захлопывает дверь комнаты 405. Войдя внутрь, вставляет магнитную карточку в прорезь на стене. Свет озаряет комнату – свет неприятного белого оттенка слепит глаза.

Торопливым жестом он нажимает на выключатель и убирает все освещение, кроме настольной лампы на комодe справа. Пятно света в полной темноте комнаты создает интимную и теплую атмосферу. Он присаживается на край постели и протягивает руку, чтобы отрегулировать яркость лампы.

– Вот так лучше.

Он старается выглядеть невозмутимым, когда произносит это, но я знаю, что его поглощает жгучее желание. И я чувствую то же. Киваю. Я стою, едва переступив порог.

Затем он смотрит на меня. Его глаза светятся мягким светом, настолько текучим, что кажется, будто я могу плыть внутри. Он поднимается с кровати и приближается. Хватает за волосы, заставляя меня запрокинуть голову назад, и со страстью начинает целовать в губы.

Я подчиняюсь, сумка падает на паркетный пол. Чувствую свою жадность, желание, свое волнение, его тепло, его слюну и щедрость, с которой он предлагает мне свое тело. Наконец-то! Начинается еще одна галлюциногенная ночь, ночь, наполненная сексом и безумством, очередная в списке настолько длинном, что я потеряла счет: множество встреч, таких разнообразных и при этом столь бесполезно одинаковых.

Он — мой новый любовник, и мы знакомы всего несколько часов. Я знаю только, что его зовут Джулио, что он из Милана и он актер. Или, скорее, хотел бы им стать. Мы познакомились

Он — мой новый любовник, и мы знакомы всего несколько часов. Я знаю только, что его зовут Джулио, что он из Милана и он актер. Или, скорее, хотел бы им стать.

(если это можно так назвать) сегодня вечером в «Гоа», — на дискотеке, где я бываю каждую пятницу и уже чувствую себя там как дома. Он нацелился на меня, как только я спустилась на танцпол и

не оставлял ни на минуту. Мы натамцевались до изнеможения, я развлекалась тем, что провоцировала его, а он обтирался об меня в недвусмысленной игре высокого эротического напряжения. На лицах его подружек сменялись выражения зависти и отвращения, и все это невольно дарило мне ощущение своеобразного возбуждения.

— Может, пойдём из этого бардака? — спросил меня Джулио в один прекрасный момент этого вечера. И вот я здесь, в комнате 405 отеля «Дука

Д'Альба»¹. Всё это за счет компании — спонсора того полицейского детектива, в котором он играет небольшую роль.

Мои руки сейчас отчаянно теряются в гуще его блондинистых волос. Джулио прижимает меня к шкафу у стены и приподнимает мою ногу, сгибая ее: мое колено упирается ему в бок. Наши языки пожирают друг друга, горят страстью, борются с нарастающим ритмом. Потом он спускается вниз, прислоняясь головой мне между ног под мини-юбкой, и прижимает мои бедра к своим шершавым щекам. Влажность проникает под мои трусики, я вся мокрая, а его язык чертовски нетерпелив. Даже слишком.

С силой отодвигаю его голову, заставляю его подняться. Он не теряется и решительным жестом срывает с меня юбку, оставляя меня в трусиках, подвязках и сапогах на двенадцатисантиметровой шпильке. Затем начинает расстегивать мне рубашку, проникает под лифчик и ищет соски нетерпеливыми пальцами. Тогда я кладу руку на его ширинку и сжимаю, чувствуя, как ее объем еще больше увеличивается в размерах. Смотрю ему в лицо, не видя — глаза опухли от алкоголя и усталости. С силой толкаю его на кровать и заставляю сесть напротив меня. Сегодня вечером команду я.

— Раздевайся! — приказываю.

— О'кей, — улыбается, спокойно расшнуровывая ботинки. — Мне нравятся властительницы.

¹Дука Д'Альба (итал. *Duca D'Alba*) — «Граф Восхода».

Начинает раздеваться. Сначала ботинки и носки, затем через голову снимает рубашку, оставаясь обнаженным до пояса. Он худощавый, но торс покрыт мышцами, как броней. Смотрит на меня в упор — его глаза, кажется, вот-вот растут, и медленно расстегивает и вынимает ремень, опуская его на кровать.

Я снимаю с него брюки, потянув вниз по ногам, и оставляю их на ковре, рядом с моей юбкой. Затем беру ремень в кулак и щелкаю им в воздухе, как плеткой. Пряжка, ударяясь о пол в пятне размытого света, искрит и разрывает тишину с металлическим звуком. На губах Джулио довольная улыбка, похоже, он действительно в своей тарелке, я тоже. Он готов вступить в игру.

Я сажусь у него между ног, позволяя сжать себя коленями, и медленно начинаю водить краем ремня по обнаженной коже. С шеи опускаюсь на линию торса, рисуя круги вокруг сосков, потом добираюсь до пупка. Потом поднимаюсь, опять же медленно. Я щекочу его кожу, и по ней бегут мурашки, грубость ремня изводит его. В его глазах читается трепет. Провожу ремнем у него за головой и застегиваю как ошейник. Это создает определенный эффект на его светлой коже: ремень выглядит черной змеей с блестящей головкой. Такой вид смертельно возбуждает меня.

— Что ты собираешься со мною сделать? — шепчет он, в то время как я поднимаюсь. Теперь в его глазах аквамаринного цвета горит обжигающий огонь. Он расстегивает мне лифчик, при-

ближаясь к одному соску, который находится на уровне его губ и проводит языком вокруг.

— Т-с-с-с, сейчас поймешь, — шепчу и подтакиваю его к изголовью кровати.

Оставаясь на ногах и не переставая смотреть на него, я снимаю одну подвязку. Приподнимаю его левое запястье, обвязываю вокруг чулком и стягиваю в скользящий узел. Потом делаю то же самое на правом запястье и привязываю края к железному изголовью кровати. Тяну посильнее, причиняя ему боль, но нейлон в 60 ден тянется и не рвется. Резким жестом срываю с него трусы, с такой же силой, как это мог бы сделать мужчина.

Так и оставляю его, обнаженным и обездвиженным, и приближаюсь к столику в углу. Спокойно наливаю себе полстакана скотча, как будто Джулио не существует. Чувствую, как нарастает возбуждение — учащается сердцебиение и пульсирует в висках. Грудь кажется распухшей, она горит. Возможно, я чересчур далеко зашла, но меня это не волнует: сегодня ночью не хочу ничего обдумывать. Целиком отдаюсь удовольствию.

Возможно, я чересчур далеко зашла, но меня это не волнует: сегодня ночью не хочу ничего обдумывать.
Целиком отдаюсь удовольствию.

— А я? — Джулио смотрит на меня, как зверь в клетке. — Мне ты не предложишь? — спрашивает умоляющим тоном.

— Сначала посмотрим, будешь ли ты себя хорошо вести, — отвечаю.

Он грустно покачивает головой, но я знаю, что ему нравится эта игра.

Беру стул у письменного стола и пододвигаю его сбоку к кровати. Ставлю стакан на пол, потом сажусь и смотрю на него, касаясь одной ногой его груди. Моя ступня движется поверх его кожи, массирует его твердый член, пальцами зарывается в волоски на груди и поднимается наверх, касаясь шеи и лаская его рот.

Джулио нагибает голову и языком следует изгибу моей ноги — там, где кожа тоньше всего. Моя ступня изгибается в поисках его поцелуев, желая их, забираясь меж его губ и позволяя посасывать себя... внутрь и наружу бесконечное количество раз. Мелкие электрические разряды начинают подниматься вверх по моей ноге, добираются до моего укромного местечка и замирают там, на поверхности... Не двигаясь дальше. В глубине я ничего не чувствую.

— Молодец, — шепчу с убеждением. Я ничего не чувствую, но он действительно отлично все проделывает, надо признать.

Беру стакан с пола и даю ему отпить.

— Спасибо, — говорит, облизывая языком губы.

— Заслужил, — произношу бархатным голосом.

Потом резко поднимаюсь, толчком отбрасываю стул, заставляя его упасть назад, и взбираюсь на кровать, поверх него. Мой язык, все еще со вкусом скотча, пробуждается и начинает скользить по

его коже, от шеи к пупку, вверх-вниз. Мне нравится облизывать его. Он приятно пахнет, похоже на «*Armani Code*» или скорее «*Gucci Guilty*». Покрываю его живот поцелуями сначала нежными, потом внезапно более пылкими, в темпе тартеллы.

Чувствую на себе его возбужденное дыхание. Ниже его талии все сжимается в комок. Беру его член и провожу по нему кружевом трусиков, сначала легко, потом все сильнее. Пытаюсь достичь удовольствия через него, снимаю нижнее белье и позволяю моей теплой плоти принять его на мгновение.

Потом увлажняю его небольшим количеством слюны, окружив губами. Джулио издает сдавленный стон. Тогда я отодвигаюсь и закрываю ему рот рукой, а другой раздвигаю края моего гнездышка и просовываю его жезл внутрь, позволяя ему упереться в эластичность стенок. Кровь пульсирует, а мое сердце молчит. Я двигаюсь вверх-вниз и ничего не чувствую. Кладу руку на ремень, который надела ему на шею и сжимаю еще сильнее, едва не придушив любовника. Отблеск удивления проскальзывает в его взгляде, на виске набухает вена, но ему нравится, я вижу, как он возбужден. Я же по-прежнему ничего не чувствую. Ничего, кроме легкой тошноты из-за обилия алкоголя, выпитого сегодня вечером.

Протягиваю руку и выключаю лампу на комод. В темноте я ощущаю себя гораздо комфортнее. Снаружи тоненький белый луч проникает

сквозь ставни, рисуя линию на стене над кроватью. Смотрю на нее, чтобы зацепиться за что-нибудь взглядом. Джулио внутри меня, но я словно в одиночестве. Изображаю оргазм и не знаю, для кого я это делаю — для него или для себя.

В этот момент в моих запутанных мыслях материализуется одна идея: единственная для меня возможность получить удовольствие — это уйти отсюда, оставив его привязанным.

Позволяю ему кончить внутри меня, потом отодвигаюсь и соскальзываю с кровати. В этот момент в моих запутанных мыслях

материализуется одна идея: единственная для меня возможность получить удовольствие — это уйти отсюда, оставив его привязанным. Пожалуй, это будет чисто садистское удовольствие, но зато оно развлечет меня хоть немного. Наверное, я думаю вслух, потому что Джулио что-то понял.

— Элена? — зовет, пока я подбираю одежду на ковре.

Не отвечаю.

— Эй, малышка, ты что делаешь? Куда ты пропала? — в его голосе слышится легкое беспокойство.

Малышка? Мы знакомы пять часов, а он уже зовет меня так. Видимо, представляет себя на съемочной площадке. Слышу, как он пытается освободиться, но у него не получается. Нейлон меня не подвел.

— Я здесь, — шепчу, — но скоро меня уже не будет.

— Черт, Элена! — Слышу, как изголовье кровати с силой ударяется о стену. — Ты не можешь меня так оставить.

Надеваю трусы и включаю свет. Вижу, как он старается порвать чулки зубами. У меня вырывается улыбка.

— Давай, малышка. Развяжи меня, — настаивает мой герой, — это уже не смешно.

Окидывает меня свирепым взглядом. В это трудно поверить, но член у него еще стоит.

— У меня скоро съемки последней сцены. Мне надо быть на съемочной площадке в шесть. — Краем глаза смотрит на часы на тумбочке, они показывают четыре. — Черт, развяжи же меня! — Его голос повышается на десять тонов.

— Наверное, так ты кричишь в кадре, когда тебя убивают? — спрашиваю с ноткой сарказма.

Мне его немного жаль. Он стал знаменитым благодаря рекламе шоколада и теперь, когда ему удалось получить эту небольшую роль, ведет себя как кандидат на премию «Оскар». Мне всерьез хочется так его и оставить, но все же решаю снизить до помилования.

— Расслабься, — успокаиваю его. Медленно подхожу, взбираюсь поверх него, снимаю ремень с его шеи и отвязываю, расслабляя сначала один узел, затем второй. «Свободен!» — объявляю, пожав плечами и прыгиваю с кровати.

— Ну уж нет, сучка... — его рука блокирует меня сзади, хватая за волосы. — Куда это ты со-